

УДК 343.139.1

Д.А. Мезинов

РАЗУМНА ЛИ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ?

В статье обосновывается мнение о разумном характере закрепленных в отечественном уголовно-процессуальном законе состязательных положений судебного следствия. Данные положения создают серьезный стимул для сторон обвинения и защиты к активному собиранию и представлению доказательств в обоснование своих позиций, что при обеспечении субсидиарной активности суда способствует достоверному установлению обстоятельств уголовного дела.

Ключевые слова: УПК РФ, состязательность, судебное следствие, достоверное установление обстоятельств уголовного дела.

Законодатель в ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1] в качестве принципа уголовного судопроизводства закрепил состязательность сторон. Данный принцип находит наиболее последовательное и полное воплощение в нормах Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), регламентирующих процессуальный порядок судебного следствия – ключевой части судебного разбирательства, являющегося, в свою очередь, наиболее важной, основной стадией уголовного процесса. В последовательной реализации принципа состязательности сторон заключается главное и существенное отличие процессуального порядка судебного следствия по современному УПК РФ от порядка судебного следствия, предусматривавшегося в ранее действовавшем УПК РСФСР 1960 г. [2]. С момента вступления в силу действующего УПК РФ относительно закрепленных в нем состязательных положений был высказан целый спектр мнений. От полного неприятия этих положений, поскольку они согласно такой точке зрения путем главным образом ограничения активности суда в исследовании обстоятельств дела ставят препятствия на пути достижения объективной истины, безусловно признаваемой приверженцами этой позиции в качестве цели уголовного процесса [3–6], до их одобрения со стороны авторов, по сути, поддержавших концепцию так называемой «чистой» (или «полной») состязательности, нередко с некоторой критикой относительно все же недостаточного (по их мнению) ограничения активности суда [7–9; 10. С. 167–179].

Думается, вряд ли будет оправданной и разумной реализация в отечественном уголовно-процессуальном законе концепции «чистой» (или «полной») состязательности, предполагающей максимальное ограничение активности суда с отказом от стремления к достижению объективной истины. При этом следует оговориться, что ввиду отсутствия точных критериев достижения судом (иным субъектом доказывания) в уголовном процессе того, что принято называть «объективной истиной», более правильно рассматривать в

качестве обязанности суда (а также должностных лиц стороны обвинения) достижение не объективной истины (о факте достижения которой однозначно судить невозможно), а основанных на внутреннем убеждении (при отсутствии неустранимых разумных сомнений) достоверных выводов об обстоятельствах уголовного дела (имеющих значение для его разрешения), в пользу чего автором настоящей статьи уже приводились аргументы [11. С. 84–91]. Иными словами, обязанность стремиться к установлению действительных обстоятельств уголовного дела (то есть объективной истины) у суда (и должностных лиц стороны обвинения) исходно предполагается, но формальное выражение в законе она должна иметь (главным образом для того, чтобы быть проверяемой) в виде обязанности делать достоверные выводы об обстоятельствах уголовного дела, достоверно устанавливая эти обстоятельства. Действующим УПК РФ концепция «чистой» (или «полной») состязательности не реализована, и его состязательные положения, особенно регламентирующие судебное следствие, закреплены в умеренном виде, носят разумный характер.

Анализируя закрепленные в действующем уголовно-процессуальном законе состязательные положения, М.К. Свиридов отмечает: «Действительно, УПК РФ закрепляет состязательность не в полном объеме. Но отступление от полной состязательности допускается в частностях, деталях. В основных, концептуальных, положениях состязательность остается» [12. С. 103]. Соответственно распространяется на состязательность, закрепленную в УПК РФ, и его вывод о том, что «присущая состязательному процессу схема установления истины – усилиями сторон, каждая из которых устанавливает «свою часть истины», не способна обеспечить восстановление полной картины происшедшего события» [12. С. 103], то есть достоверное установление обстоятельств уголовного дела.

Полагаю все же, что нормы УПК РФ, закрепляющие состязательность, особенно регламентирующие судебное следствие, выступая в качестве дополнительного познавательного средства (метода, приема, способа) установления по уголовному делу объективной истины [13. С. 10; 14. С. 47–48; 15. С. 144], а точнее, достоверного установления обстоятельств уголовного дела, предусматривают достаточные возможности (при наличии соответствующей обязанности суда) для достижения этой цели. Именно в этом плане можно говорить о том, что закрепленная в УПК РФ состязательность судебного следствия носит разумный характер.

Во-первых, закрепленные в УПК РФ состязательные положения судебного следствия обеспечивают каждому из заинтересованных в исходе дела участников процесса реальные возможности выражать и отстаивать свои интересы путем заявления и обоснования соответствующих позиций по делу. Следует заметить, что именно из необходимости обеспечения такого рода равных возможностей для сторон процесса исходит Европейский суд по правам человека в своем понимании сути состязательности [16. С. 118–130]. Тем самым создается серьезный стимул для участников процесса, выступающих в качестве сторон обвинения и защиты, к активному собиранию и представлению доказательств в обоснование своих позиций при обеспечении в то же время возможности суду осуществлять так называемую субсидиарную или

дополнительную активность [17. С. 502; 18. С. 18] в исследовании материалов дела уже после проявления (и даже исчерпания) своей активности сторонами. Вследствие чего создаются условия для освобождения суда от не свойственной ему и опасной для него в связи с причинами организационного и психологического характера, деятельности. В первую очередь от деятельности по первичному собиранию доказательств о новых обстоятельствах (а не с целью проверки уже собранных доказательств), особенно вне судебного заседания, поскольку суд по исходной природе своей организации приспособлен главным образом к деятельности по проверке доказательств, а не их поиску.

В УПК РФ закреплены такие соответствующие принципу состязательности положения, как изложение обвинения (а потому и его выдвижение подсудимому) обвинителем, определение порядка исследования доказательств представляющими их сторонами, право суда задавать вопросы допрашиваемым лицам лишь после осуществления их допроса сторонами. Эти положения, отсутствовавшие в ранее действовавшем УПК РСФСР 1960 г., где перечисленные действия неограниченно в силу розыскных начал процесса осуществлялись судом, призваны предотвратить угрозу подмены активностью суда активности заинтересованных участников процесса, и соответственно, нарушения их прав и законных интересов. Но особенно важны эти положения для предотвращения одностороннего, необъективного, а в известной мере и неполного исследования обстоятельств дела судом.

При отсутствии отмеченных состязательных положений закона активность суда будет выражаться (как это и было в период действия УПК РСФСР 1960 г.) в инициативном планировании всего судебного следствия, оглашении обвинительного заключения, определении порядка исследования всех доказательств, задавании вопросов допрашиваемым лицам первым, собирании дополнительных доказательств. Все это суд будет вправе делать еще до того, как участники процесса, прежде всего профессиональные участники, проявят активность путем заявления своих позиций и представления соответствующих доказательств. При подобной своей неограниченной активности еще до исследования всех возможных доказательств по делу суд легко может преждевременно «увлечься» лишь одной версией исследуемого события и в дальнейшем в силу психологических закономерностей (в частности, влияния неосознаваемых психических явлений) будет без должных оснований придерживаться её и игнорировать другие версии (особенно контрверсии). Как правило, такими преждевременно «увлекающими» версиями будут выступать версии обвинения, поскольку они лучше сформулированы в обвинительных заключениях (актах) и «на первый взгляд» всегда лучше обоснованы в материалах поступивших в суд уголовных дел.

В случае же состязательного построения судебного следствия, в том числе в соответствии с положениями действующего УПК РФ, важной гарантией предотвращения отмеченной опасности является то, что изначально не суд выдвигает и обосновывает разнообразные версии относительно исследуемого события, а это делают несколько субъектов познания, как стороны обвинения, так и стороны защиты, приводя максимум аргументов в пользу своих версий. Один же субъект познания, даже если это суд, по психологическим

причинам не способен искать и приводить максимум аргументов одновременно в пользу нескольких версий, как правило взаимно противоречащих и исключających друг друга. Осуществляя субсидиарную активность, то есть приступая к активному исследованию обстоятельств дела уже после приведения и обоснования сторонами своих позиций как по значению отдельных доказательств (например, задавая вопросы свидетелю после вопросов сторон), так и по делу в целом (например, по собственной инициативе назначая экспертизу при неясности из доказательств сторон отдельных обстоятельств дела), суд уже имеет перед собой сформулированные и в той или иной степени аргументированные версии исследуемого события. Уже имеющееся обоснование каждой из версий ставит барьер (обладающий и психологической подоплекой) на пути «увлечения» суда одной версией с необоснованным (и неосознанным) игнорированием других версий. Поскольку эти другие версии так же, как и наиболее «привлекательная» первая версия, уже в известной мере аргументированы и проигнорировать (тем более неосознанно) их нельзя, можно только обоснованно опровергнуть, а это уже адекватно стремлению к достоверному установлению обстоятельств уголовного дела.

В связи с приведенными рассуждениями уместно вспомнить адекватно отражающее значение принципа состязательности изречение древних: «в споре рождается истина». Думается, что игнорировать (как это делают противники всякой состязательности) отмеченные способствующие достоверному установлению обстоятельств уголовного дела свойства проводимого УПК РФ состязательного построения судебного следствия вряд ли будет разумно.

Во-вторых, положения УПК РФ, несмотря на отсутствие нормы, аналогичной норме ст. 20 УПК РСФСР 1960 г., все же позволяют сделать вывод о наличии у суда (как и у должностных лиц стороны обвинения) обязанности стремиться к установлению действительных обстоятельств уголовного дела с обоснованием полученных выводов доказательствами (относимыми, допустимыми, достоверными и достаточными), о чем, обозначая такую цель «объективной истиной», говорили и другие авторы [19. С. 143; 20. С. 8; 21. С. 96–97].

Действительно, в ч. 4 ст. 14 УПК РФ закреплено, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях. Далее, согласно ст. 297 УПК РФ все приговоры должны быть не только законными, но и обоснованными. В свою очередь, в соответствии с ч. 3 ст. 305 и ч. 2 ст. 307 УПК РФ выводы суда как о виновности (в обвинительных приговорах), так и о невиновности (в оправдательных приговорах) должны быть построены на доказательствах.

Да и в целом задачи назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) не могут быть надлежащим образом решены без стремления суда и иных субъектов уголовного процесса (особенно наделенных властными полномочиями) к выяснению действительных обстоятельств уголовного дела, к достоверному установлению этих обстоятельств. Разумеется, данное стремление суд реализует в дополнение к активности сторон – в пределах субсидиарной активности, соблюдение чего важно для достижения обозначенной цели (о чем говорилось выше).

В дополнение к приведенным рассуждениям следует отметить, что обязанность суда, как и других властных субъектов уголовного процесса, стре-

миться к установлению действительных обстоятельств уголовного дела постулируется и исходной отнесенностью российского уголовного процесса к континентальной правовой системе [22. С. 76–84]. В то же время при разрешении уголовного дела в порядке упрощенных форм судопроизводства, предусмотренных УПК РФ, прежде всего его главами 32.1, 40 и 40.1, о необходимости максимально обеспечить указанное стремление речь не идет. В этих случаях можно говорить, что УПК РФ позволяет ограничиться установлением так называемой конвенциональной истины [10. С. 21–22; 23. С. 272–273].

В-третьих, проводимая УПК РФ субсидиарная активность суда при доказывании обстоятельств уголовного дела, включая позволение ему в определенных пределах инициативно собирать доказательства, вполне обеспечивает реализацию его стремления к достоверному установлению этих обстоятельств. Анализируя возможности суда по установлению истины, М.К. Свиридов точно отмечает: «Суд, формируя свое убеждение, должен дополнять мнение сторон самостоятельным непосредственным исследованием доказательств. Именно убеждающая сила самих доказательств должна быть главной в судебском убеждении» [19. С. 145]. В то же время он делает категоричный вывод о том, что «нельзя допускать, чтобы суд сам собирал недостающие доказательства, тем самым продолжая работу сторон, своевременно ими не сделанную либо сделанную некачественно» [19. С.147].

Полагаю все же, что пределы самостоятельного исследования и собирания доказательств судом определяются, прежде всего, собственно характером исследовательской деятельности суда – соблюдением всех её необходимых процессуальных условий: непосредственности и устности, гласности, состязательности в смысле обязательного и активного участия сторон и т.п., она не должна осуществляться способами, типичными для деятельности органов предварительного расследования, исключаящими эти условия.

Пределы самостоятельного исследования (и собирания) судом доказательств определяются и целью данной деятельности. В литературе в качестве допустимой цели такой деятельности суда рассматривается проверка уже исследованных судом ранее представленных ему доказательств и в то же время подвергается сомнению допустимость такой цели, как собирание недостающих доказательств относительно тех или иных обстоятельств уголовного дела, которое чаще всего является, по сути, восполнением пробелов, возникающих из-за неполноты предварительного расследования [18. С. 20–26; 19. С. 147]. Но все же, думается, достаточных оснований для ограничения субсидиарной доказательственной деятельности суда только первой из названных целей нет. Полагаю, что преследование судом и второй из названных целей не должно вызывать опасений, если при этом соответствующая субсидиарная доказательственная деятельность суда на пути к достоверному установлению обстоятельств уголовного дела по характеру является типичной судебной – с соблюдением всех её необходимых процессуальных условий: непосредственности и устности, гласности, состязательности в смысле обязательного и активного участия сторон и т.п. Тем более, проверить, преследует ли суд цель восполнения пробелов, возникающих из-за неполноты предварительного расследования, или все-таки безусловно допустимую цель проверки уже исследованных судом ранее представленных ему доказательств, как и отграничить

эти цели друг от друга в конкретных ситуациях, по существу, невозможно. Если же суд и в рамках предоставленных ему такого рода возможностей не смог устранить такие пробелы, то соответствующие неподтвержденные обстоятельства уголовного дела должны признаваться в решении суда неустановленными, в том числе должен выноситься оправдательный приговор в случае вхождения этих обстоятельств в так называемый главный факт.

В свою очередь, втягиванием суда в нетипичную для него доказательственную деятельность органов предварительного расследования будет предоставление ему возможности возвращать дело на дополнительное расследование, что под прикрытием развития института возвращения уголовного дела прокурору к настоящему времени, по сути, реализовано через главным образом практику деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, в частности, наиболее показательно – в его Постановлении от 02.07.2013 № 16-П [24]. Причем подобное втягивание суда в нетипичную для него деятельность произойдет независимо от цели такого возвращения, то есть опять-таки от того, возвращается дело на дополнительное расследование для собирания недостающих доказательств относительно тех или иных обстоятельств уголовного дела (восполнения пробелов, возникающих из-за неполноты предварительного расследования) или для собирания доказательств с целью проверки уже исследованных судом ранее представленных ему доказательств. В обоих случаях, по опыту советского периода, суд втягивался в деятельность органов предварительного расследования, когда для подтверждения уже имеющихся у него выводов давал этим органам письменные указания о производстве определенных следственных действий, что было обязательно для этих органов. Поэтому восстановление института возвращения уголовного дела на дополнительное расследование вряд ли можно считать приемлемым, во всяком случае в том виде, в каком он существовал в советское время.

Необходимо отметить, что до передачи уголовного дела на рассмотрение суда искателями истины – субъектами достоверного установления обстоятельств дела должны быть как следователь (дознатель), так и прокурор. Это, несмотря на формальное отнесение по УПК РФ данных субъектов к стороне обвинения, опять-таки вполне адекватно определению российского уголовного процесса как процесса континентальной правовой системы. Соответственно совокупность доказательств, собранных этими субъектами, должна убеждать в первую очередь их в достоверном установлении обстоятельств уголовного дела. Если эти доказательства, будучи представлены суду и непосредственно при использовании всех возможностей исследованы им, все же не формируют у него аналогичного убеждения, то он по общему правилу должен выносить оправдательный приговор, а не исправлять ошибки предыдущих искателей истины. Поэтому для обеспечения достоверного установления обстоятельств уголовного дела не в последнюю очередь следует повышать качество работы органов предварительного расследования и прокуратуры, а не увлекаться лишь стимулированием повышения активности суда по инициативному исследованию обстоятельств уголовного дела, на что, в частности, явно направлен известный законопроект Следственного комитета Российской Федерации [25], поскольку чрезмерное повышение такой активности

суда может превратиться в подмену ею работы сторон (особенно стороны обвинения) по восполнению пробелов в их доказательствах.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ: (в ред. от 03.02.2014 г.) // CONSULTANT.RU: Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». М., 1997–2013. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=154807;fld=134;dst=4294967295;rnd=0.4301798039262696;from=102995-0> (дата обращения: 16.04.2014).
2. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Утвержден Законом РСФСР от 27.10.1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
3. Орлов Ю. Принцип состязательности в уголовном процессе: значение и пределы действия // Российская юстиция. 2004. № 2. С. 52–53.
4. Зажичкий В.И. Истина и средства ее установления в УПК РФ: Теоретико-правовой анализ // Государство и право. 2005. № 6. С. 67–74.
5. Поляков М.П. Принцип чистой состязательности как источник проблем судебного следствия // Уголовное судопроизводство. 2007. № 1. С. 36–39.
6. Ищенко Е.П. Какая истина нужна в уголовном судопроизводстве? // Уголовное судопроизводство. 2008. № 5. С. 23–30.
7. Лушинская П.А. Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 5–8.
8. Михайловская И.Б. Права личности – новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 2–4.
9. Лазарева В.А. Состязательность и доказывание в уголовном процессе // Уголовное право. 2007. № 3. С. 98–102.
10. Карякин Е.А. Теоретические и практические проблемы формирования истины по уголовному делу в суде первой инстанции. М.: Юрлитинформ, 2009. 296 с.
11. Мезинов Д.А. Необходимо ли закрепление понятия «объективная истина» в уголовно-процессуальном законе? // Вестник Том. гос. ун-та. Право. 2013. № 2(8). С. 82–94.
12. Свиридов М.К. Задача установления истины и средства её достижения в уголовном процессе // Вестник Том. гос. ун-та. Право. 2013. № 2(8). С. 101–106.
13. Ларин А.М. О принципах уголовного процесса и гарантиях прав личности в УПК РФ // Российская юстиция. 1997. № 9. С. 9–11.
14. Божьев В.П. К вопросу о состязательности в российском уголовном процессе // Уголовное право. 2000. № 1. С. 47–55.
15. Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / Н.М. Кипнис [и др.] / под ред. В.А. Власихина. М.: Юристъ, 2000. 270 с.
16. Трубникова Т.В. Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского Суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации: учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 296 с.
17. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учеб. для вузов. 2-е изд. / под общ. ред. А.В. Смирнова. СПб.: Питер, 2005. 697 с.
18. Плашевская А.А. Собрание судом доказательств при рассмотрении дела по первой инстанции в уголовном процессе России. Томск: Изд-во НТЛ, 2006. 204 с.
19. Свиридов М.К. Установление судом истины в судебном разбирательстве // Вестник Том. гос. ун-та. 2011. Декабрь. № 353. С. 142–147.
20. Азаров В.А. Действительно ли объективная истина – цель доказывания в уголовном судопроизводстве? // Библиотека криминалиста. 2012. № 4. С. 7–10.
21. Апостолова Н.Н. Установление истины в уголовном процессе // Государство и право. 2013. № 3. С. 95–99.
22. Головки Л.В. Теоретические основы модернизации учения о материальной истине в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2012. № 4. С. 65–87.
23. Александров А.С. Язык уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Новгород, 2003. 650 с.
24. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса

Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // Собрание законодательства РФ. 15.07.2013. № 28. Ст. 3881.

25. Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» // Следственный комитет Российской Федерации: официальный сайт. 2007–2013. URL: <http://sledcom.ru/discussions/?SID=3551> (дата обращения: 16.04.2014).

Mezinov D.A.

IS THE ADVERSARIAL JUDICIAL INVESTIGATION UNDER THE CRIMINAL PROCEDURAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION REASONABLE?

Keywords: CPC of RF, adversarial system, judicial investigation, trustworthy ascertainment of facts in the criminal case.

The article deals with some opinions of scientists who estimate the adversarial provisions of judicial investigation under the current Criminal Procedural Code of the Russian Federation and analyze some relevant provisions of the law. The author doesn't justify the opinion to introduce into the national criminal procedural law the concept of "pure" (or "full") adversarial system that presupposes the maximum restrictiveness of the court activity preventing the truthful ascertainment of facts in a criminal case. Having analyzed the norms of current national criminal procedural law the author concludes that the concept of "pure" (or "full") adversarial system has not been realized in it and its adversarial provisions especially those which regulate the judicial investigation are of a reasonable character. The author shows that the above provisions give the parties to criminal trial real possibilities to express and uphold their interests by way of stating and substantiating of the position in the criminal case. Thus, the parties to a trial, i.e. defense and prosecution get a serious motivation to gather and present evidence to substantiate their positions. A subsidiary activity of the court in examining the facts of a case is also ensured and that enables the court to initiate the collection of evidence. Finally, adversarial provisions of a judicial investigation create the conditions to prevent a unilateral, biased and incomplete examination of the facts of the case by the court. The author believes that the limits of independent examination and collection of evidence by the court are determined by the very character of research activity of the court i.e. the observance of such its necessary procedural conditions as directness, oral nature, publicity and adversarial character in terms of obligatory and active participation of the parties, etc. Thus, adversarial provisions of judicial investigation under the Criminal Procedural Code of the Russian Federation create the conditions for realization of the court's intention to truthful ascertainment of the facts in a criminal case. This has been postulated due to connections of national criminal process with a continental legal system.

References

1. *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 18.12.2001g. № 174-FZ: (v red. ot 03.02.2014g.)* [Criminal Procedure Code of the Russian Federation as of 18th December 2001, no. 174-FZ (as amended on 3rd March 2014)]. Moscow, 1997–2013. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=154807;fld=134;dst=4294967295;rnd=0.4301798039262696;from=102995-0>. (Accessed: 16th April 2014).
2. *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks RSFSR. Utverzhen Zakonom RSFSR ot 27.10.1960g.* [Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Approved by the RSFSR Law of 27th October 1960]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR*, 1960, no. 40, Art. 592.
3. Orlov Yu. Printsip sostyazatel'nosti v ugovnom protsesse: znachenie i predely deystviya [The adversarial principle in criminal proceedings: the meaning and limits of action]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*, 2004, no. 2, pp. 52–53. (In Russian).
4. Zazhitskiy V.I. The truth and means of its establishment in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: theoretical and legal analysis. *Gosudarstvo i pravo*, 2005, no. 6, pp. 67–74. (In Russian).
5. Polyakov M.P. Printsip chistoy sostyazatel'nosti kak istochnik problem sudebnogo sledstviya [The adversarial principle as a source of problems for judicial investigation]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*, 2007, no. 1, pp. 36–39.
6. Ishchenko E.P. Kakaya istina nuzhna v ugovnom sudoproizvodstve? [What truth is necessary for criminal justice?] *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*, 2008, no. 5, pp. 23–30.

7. Lupinskaya P.A. Dokazatel'stva i dokazyvanie v novom ugovolnom protsesse [Evidence and proof in the new criminal proceedings]. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2002, no. 7, pp. 5-8.

8. Mikhaylovskaya I.B. Prava lichnosti – novyy prioritet Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Rights of the individual – a new priority of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2002, no. 7, pp. 2-4.

9. Lazareva V.A. Sostyazatel'nost' i dokazyvanie v ugovolnom protsesse [Competition and proof in the criminal proceedings]. *Ugolovnoe pravo*, 2007, no. 3, pp. 98-102.

10. Karyakin E.A. *Teoreticheskie i prakticheskie problemy formirovaniya istiny po ugovolnomu delu v sude pervoy instantsii* [Theoretical and practical problems of the truth formation in a criminal case in the court of first instance]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2009. 296 p.

11. Mezinov D.A. Is it necessary to secure the notion "objective truth" in the criminal procedural law? *Vestnik Tomskogo Gosudarestvennogo Universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*, 2013, no. 2(8), pp. 82-94. (In Russian).

12. Sviridov M.K. The task of ascertaining the truth and the means of its achievement in criminal procedure. *Vestnik Tomskogo Gosudarestvennogo Universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*, 2013, no. 2(8), pp. 101-106. (In Russian).

13. Larin A.M. O printsipakh ugovolnogo protsesssa i garantiyakh prav lichnosti v UPK RF [On the principles of criminal procedure and guarantees of individual rights in the Criminal Procedure Code]. *Rossiyskaya yustitsiya*, 1997, no. 9, pp. 9-11.

14. Bozh'ev V.P. K voprosu o sostyazatel'nosti v rossiyskom ugovolnom protsesse [On the problem of adversarial system in the Russian criminal procedure]. *Ugolovnoe pravo*, 2000, no. 1, pp. 47-55.

15. Vlasikhin V.A. (ed.) *Dokazyvanie v ugovolnom protsesse: traditsii i sovremennost'* [Proving in the criminal procedure: traditions and modernity]. Moscow: Yurist" Publ., 2000. 270 p.

16. Trubnikova T.V. *Pravo na spravedlivo sudebnoe razbiratel'stvo: pravoye pozitsii Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka i ikh realizatsiya v ugovolnom protsesse Rossiyskoy Federatsii* [The right to a fair trial: the legal position of the European Court of Human Rights and their implementation in the criminal trial of the Russian Federation]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2011. 296 p.

17. Smirnov A.V., Kalinovskiy K.B. *Ugolovnyy protsess* [Criminal procedure]. St. Petersburg: Piter Publ., 2005. 697 p.

18. Plashevskaya A.A. *Sobiranie sudom dokazatel'stv pri rassmotrenii dela po pervoy instantsii v ugovolnom protsesse Rossii* [The gathering of evidence by the court in the first instance court proceedings in the criminal trial of Russia]. Tomsk: NTL Publ., 2006. 204 p.

19. Sviridov M.K. Establishment of the truth in the course of trial. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2011, no. 353, pp. 142-147. (In Russian).

20. Azarov V.A. Is It Really the Case that Objective Truth Is the Aim of Proof in Criminal Proceedings? *Biblioteka kriminalista – Criminalist's Library Scientific Journal*, 2012, no. 4, pp. 7-10. (In Russian).

21. Apostolova N.N. The establishment of truth in the criminal process. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*, 2013, no. 3, pp. 95-99. (In Russian).

22. Golovko L.V. The Theoretical Grounds for Modernization of the Doctrine of Substantive Truth in Criminal Process. *Biblioteka kriminalista – Criminalist's Library Scientific Journal*, 2012, no. 4, pp. 65-87. (In Russian).

23. Aleksandrov A.S. *Yazyk ugovolnogo sudoproizvodstva*: dis. d-ra jurid. nauk [The language of criminal proceedings. Law Doc. Diss.]. Nizhny Novgorod, 2003. 650 p.

24. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 02.07.2013 № 16-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy chasti pervoy stat'i 237 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanina Respubliki Uzbekistan B.T. Gadaeva i zaprosom Kurganskogo oblastnogo suda"* [Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 2nd July 2013 № 16-P "On the constitutionality of the provisions of Section 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of a citizen of the Republic of Uzbekistan B.T. Gadaev and request of Kurgan Regional Court]. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of laws of the Russian Federation], 2013, no. 28 of 15th July, Art. 3881.

25. *Proekt federal'nogo zakona "O vnesenii izmeneniy v Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii v svyazi s vvedeniem instituta ustanovleniya ob"ektivnoy istiny po ugovolnomu delu"* [The draft of the federal law "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the introduction of the establishment of objective truth in a criminal case"]. Available at: <http://sledcom.ru/discussions/?SID=3551>. (Accessed: 16th April 2014).